

Борис Горбунов

-Учился в группе 6407 «Молекулярная физика».

-После универа я работал в Институте Химической Кинетики и Горения, где занимался фазовыми переходами в атмосфере. Доктор физ-мат. наук. По результатам моих работ мой завлаб не постеснялся получить премию Совета Министров, а я оказался в Англии.

-Теперь, я работаю директором нескольких компаний и по совместительству являюсь профессором в Университете Кента в Кентербери, где совмещаю полезное с приятным, последнее конечно относится к физике. Сейчас меня интересует детектирование индивидуальных заряженных частиц и ионов в больших объемах.

-Я женат на моей третьей жене Наде. У меня четверо дочерей, каждая из которых, непонятным для меня образом, избежала физики в пользу бизнеса.

Главное пожелание нашим девушкам - оставаться такими, какими мы вас помним: молодыми, веселыми и красивыми, а мужчинам противоположного пола – желаю здоровья и бокал хорошего вина и не один!

На фотографии я и моя дочь Аня в Октябре прошлого года в Альпах, готовимся отмечать Халовин. Остальные (моя жена, еще одна дочь и ее бойфренд) – за кадром действительно что-то готовят.

СОАНМЕ

Тем, кто помнит Сашу Меркулова,
переставшего жить 3 августа 2009.

Здесь несколько зарисовок о моем друге. Когда кто-то уходит, образуется ощущение пустоты, которую хочется заполнить тем, что осталось в памяти. Всё это возникло в моей голове и переплелось с образами из замечательной Айтматовской книжки «И дальше века длится день», когда я лез на одну из альпийских гор недалеко от нашего пристанища на горнолыжной станции Ирмонт во Франции. В тот жаркий августовский день, я отвёз в женевский аэропорт гостивших у

меня Лену и Тамару, от которых и узнал печальную весть. Вернувшись, я решил побродить один в тишине гор после пробок на суетливых женевских дорогах.

Колька Суховеев был Сашин друг детства. Они жили в той части Кемерово, где город, застроенный пятиэтажками, переходил в окраину деревенского типа, с деревянными лачугами, окруженными огородами. Летом на огородах росла картошка с капустой, а по пыльным дорогам сновали куры, гуси и прочая живность. Деревянные окна маленьких покосившихся домишек, пепельных от солнца, пыли и времени, обычно были открыты, и из них пахло домом.

Летом в погожие дни пыль на кемеровских дорогах расстилалась толстым теплым шелковистым ковром. Эта пыль, как вода в реке, ласково струилась сквозь пальцы, и ходить босиком было приятно и странно. Спустя много лет я узнал от одного англичанина про пыль с аризонских дорог, которую американцы продавали им по 300 долларов за килограмм для научных целей. Я потрогал эту научную пыль – она была намного грубее кемеровской.

Город Кемерово трудно назвать привлекательным, особенно с точки зрения интуриста. Смотреть в нем, в общем, нечего, кроме знаменитого «лисьего хвоста», развевающегося вымпелом большой химии над Азотно-туковым комбинатом, «Азотом». Окислы азота и многие другие, зачастую еще более вредоносные соединения, выбрасываемые «Азотом», обильно насыщали воздух и воду Кемерово. В Заводском районе дышать было трудно, из глаз катились слезы, а женщины жаловались на невозможность носить капроновые чулки, которые быстро разъедались невидимыми парами большой химии. Но для Саши, Кольки и многих других этот город был родным, и мы там жили.

Однажды, в семидесятых годах я случайно зашел на выставку детских рисунков в Кемерове. Там висел рисунок панорамы города с легко узнаваемой трубой «лисьего хвоста» на фоне множества других не менее зловредных столпов развитого социализма. Девятилетняя Оля назвала рисунок: «При коммунизме трубы будут дымить один раз в году».

В тот июньский день Колька и Саша ходили купаться на речку Томь. Вода еще не прогрелась, и вскоре, проголодавшись, они вернулись к Саше, и, подзаправившись жареной картошкой, поехали кататься на великах. Машины в те времена были редкостью. По городу они ездили медленно, опасаясь мильтонов, а в пригороде ездить быстро было невозможно из-за придорожной зелени, кур и прочих домашних животных. Но на улицах в районе Сашиного дома мильтоны появлялись очень редко, и живность там не разводили. Там машины ездили так быстро, как только могли, оставляя после себя в воздухе густые облака шелковистой кемеровской пыли.

Саша, как всегда, был впереди, пока вдруг что-то не дернуло его за ногу, и он остановился. Выдернув зажеванную цепью штанину, Саша поехал догонять Кольку. Обогнать Кольку, который все еще ездил «под раму» и был моложе Саши, каза лось нетрудно, и Саша принялся всю крутить педали. Расстояние быстро сокращалось, и у перекрестка Саша должен был бы нагнать Кольку. Но Колька тоже ускорил темп и первым подлетел к перекрестку.

То, что произошло дальше, Саша запомнил на всю жизнь. Новенький зеленый самосвал ЗИЛ вылетел справа на перекресток и, подпрыгнув передними и задними колесами, резко затормозил, заехав на обочину и подняв густые облака пыли. Но было поздно. На перекрестке рядом с искореженным великом лежал Колька лицом вверх. Его руки и ноги были согнуты в неестественной форме свастики. Его глаза, из которых уходила жизнь, удивленно смотрели на солнце. И лицо, и волосы медленно становились серыми, покрываясь пылью Кемеровских дорог и сливаясь с ней.

Этот случай Саша рассказал мне много лет спустя, когда после хорошей

выпивки остался переночевать у нас со Светланой в Новосибирске. Саша верил, что он должен был быть на месте Кольки и оказаться под колесами самосвала. Он принимал случившееся, как ошибку судьбы, и винил себя за смерть друга. Подобное я прочел в биографии Сальватора Дали, который тоже в раннем возрасте пережил смерть близкого человека и чувствовал всю жизнь вину за то, что он живет его жизнь.

В тот раз Саша поссорился с Галей – его женой, которая довольно бесцеремонно выпроводила Сашиних родителей, приехавших повидать внучку, заявив:

– Нечего им тут делать, пусть едут домой.

Галя Коннорбаева меньше всего подходила на роль жены или матери, но Саша разглядел в ней что-то такое, что мы не смогли заметить и оценить. Они часто ссорились, но Саша все эти ссоры поглощал в себе и любил ее. Женщины обращали на него внимание. Как физик он понимал, что задача супружеской верности на множестве доступных женщин не имеет единственного решения, но был верен Гале.

Выбор жены он объяснял желанием иметь детей. На что Галя, решившая, что ее роль ограничивалась рождением ребенка, говорила:

-Хотел ребенка - получай, я родила, ты – воспитывай.

Саша и воспитывал Катюху, как он ее называл, как мать и как отец. Он делал все: готовил, кормил, стирал пеленки и вставал по ночам. Скоро Катюха стала называть его мамой.

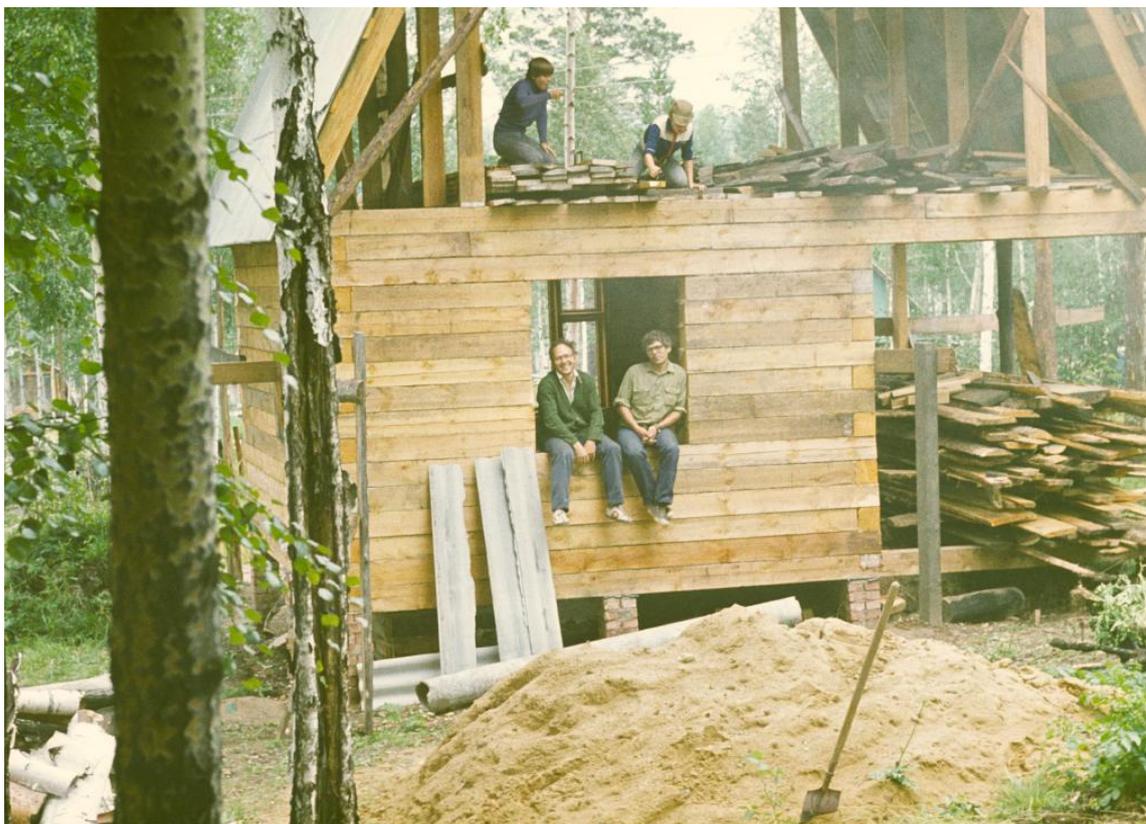
Летом Саша возил Катюху на море или к своей матери в Кемерово. Однажды, когда он еще работал в Омском Институте Сажи, мы, взяв дочерей, поехали с ним на Байкал. Переночевали мы у хлебосольного Саши Алтынцева, поразившего нас запасами пахнущего лесом варенья из таежных ягод. На следующий день Саша Алтынцев показал лесную дачу, которую, к нашему удивлению, он построил сам. После этого мы отправились в тайгу. В тайге было тепло и тихо. Мы поднялись вверх по Слюдянке, обогнав группу киевлян, готовивших обед, и переночевали на перевале прямо на пушистом таежном мху рядом с брусничником и сладкой таежной смородиной. По утру, позавтракав, мы полезли на пик Черского.

Катюха, в то время еще подросток, носилась по скалам как горная коза, а моя дочь Марина изображала утомленную даму под зонтиком. Невдалеке внизу было маленькое альпийское озеро, окруженное малинником, с романтическим именем Сердце. Пока мы любовались всей красотой окружающей природы, Катюха, заметив в малиннике медведицу с двумя медвежатами, побежала их погладить. Саша, увидев это, мгновенно побледнел и заорал нечеловеческим голосом. Катюха сразу остановилась, а медведица повернула голову в нашу сторону, понюхала воздух и, решив, что малина более подходящая пища, чем орущий мужик с компанией сомнительных вкусовых достоинств, медленно заковыляла вглубь леса.

Саша бывал в тайге раньше и слышался страшных историй про медведей. Еще будучи в универе, он с Юрой Пшеничным и Валиком Марголиным провели лето на берегу маленькой таежной речки в Красноярском крае, питаясь тут же пойманной рыбой и лесными ягодами. Там у Саши случился приступ аппендицита. С трудом добравшись до ближайшей деревушки, они обнаружили, что водитель единственной в округе машины не имеет не малейшего желания везти Сашу в райцентр, где была больница.

– А мне по фене, - заключил водила, ковыряя в зубах изжеванной спичкой; - (и я не имею не малейшего представления, нужно ли писать «по фене» с заглавной буквы или нет). Сострадание к человеку, очевидно, не было развито в его характере. Это довело Валика до крайности: - Если он умрет от перитонита, тебя посадят за убийство, - закричал Валик, указывая на скорчившегося на траве Сашу. То ли незнакомое слово, то ли упоминание о заключении, с которым тот, вероятно, был знаком не понаслышке, подействовало на водилу, и он, с выражением глубокого

неудовольствия и полного разочарования в жизни, согласился.

Дача Саши Алтынцева в лесу.

Недалеко от озера Сердце.

Озеро Сердце.

Все это припомнилось мне в зеленой Альпийской долине по пути на вершину горы Ирмонт в тот жаркий день. В Альпах солнце греет не так, как в Сибири. Вернее оно не только греет, но скорее давит теплом и светом согласно физику Лебедеву. Я не очень-то верю в возможность чувствовать давление света кожей. Хотя - с другой стороны – известно, что человек чувствует смещение ушной звуковой мембраны на расстоянии, которое меньше размера атома.

Подобное давление света мы испытали много лет раньше, когда Саша, Юра Пшеничнов и я поехали на Японское море после третьего курса. Владивосток был закрытым городом, и взять до него билет без специального разрешения было нельзя, поэтому мы решили ехать зайцами. К тому же мы пропили почти все деньги, отмечая окончание семестра. Приехав, мы отправились к Володе Сабину, как и планировали. Самого Володи дома не оказалось, но Саша, который всегда располагал к себе женщин среднего возраста, поговорил с Володиной мамой, и та радушно пригласила нас. После невероятно вкусного салата из помидор, она осторожно коснулась Володиной учебы и спросила – есть ли у него девушка. Пока мы соображали, что ответить, Саша, ухитряясь одновременно есть жареную картошку и говорить, начал рассказывать о грандиозных успехах Володи в учебе и его популярности среди девушек. Володина мама слушала - как замороженная, хотя возможно и подозревала, что не все следует принимать буквально.

Вскоре появился Володя, и вместе мы набросали план путешествия: на автобусе на другой конец города к бухте Горнотай, а потом пешком по берегу Уссурийского залива до живописной бухты Шамора. Оттуда возвращаемся на автобусе через перевал до Амурского залива и в город. На следующий день ближе к обеду мы вывалились, наконец, на конечной остановке автобуса и пошли неизведанной дикой тропой на север. Берег был высокий, крутой и каменистый. Спуститься к воде было невозможно, и пасмурное небо тоже не повышало настроения. Ближе к вечеру мы вышли-таки к пологому спуску, а по нему к волнам настоящего моря.

Мы разбили палатку, и запасливый Юра, взявший с собой удочку, выловил в

море местную рыбу камбалу, а Саша принялся ее жарить. Вскоре, несмотря на мою «помощь», рыба была готова и, оказавшись необычайно вкусной, почти мгновенно была съедена. Пока мы ели, приехал милиционер на мотоцикле и, объявив о надвигающемся шторме, быстро уехал. Несколько пар, отдохнувших неподалеку на косе, с поразительным проворством собрали вещи и последовали его примеру, а мы на всякий случай перенесли палатку подальше от берега и, установив ее среди кустов - на берегу маленького пасторального ручейка, пошли купаться. Вода в Японском море была очень теплой и чистой - как в ванной, гораздо прозрачнее, чем в Кемеровской реке - Томи и не пахла большой химией. Вечером начался небольшой дождь, и под шелест дождевых капель мы сразу уснули.

В те времена мы спали крепким сном и не слышали ни грома, ни усилившегося дождя, но когда вода подтекает под бок - это уже было слишком даже для привыкших ко всему студентов. Я лежал с краю и проснулся от холодной воды под боком.

- Что-то мокро? - удивился я.

- Здесь вода, - отозвался уже проснувшийся Саша, подтверждая мои опасения. Он включил фонарь, и мы обнаружили, что нас заливает и заливает очень быстро. Выскочив из палатки, мы к своему ужасу увидели, что наш идиллический ручеек превратился в «бурный поток» (извиняюсь за плагиат с последней страницы «Литературки» 70-х) хорошо видимый ночью из-за белой шипящей пены. Земля дрожала, но не от грома и прибоя, а от огромных валунов, катившихся по каменистому дну. Вокруг нас лило, гремело, и, удивительно, прыгали несметные толпы каких-то насекомых.

Саша, используя преимущественно ненормативную лексику, стал убеждать все еще дрыхнувшего Юрку открыть глаза, поднять задницу и вылезти из палатки немедленно. Юра никогда не отличался проворностью, но увидев огромное вывороченное с корнями дерево, несущееся по направлению к нам, первым бросился вытаскивать вещи из наполовину залитой водой палатки. Но было поздно. Спасти удалось совсем немного. Вывороченное дерево, зацепив корнями и ветками палатку, унесло ее в Японское море, где она сразу исчезла среди волн и пены. Только потом мы осознали, что опоздай мы на несколько мгновений, нас тоже бы унесло в штормовое море, где шансы выбраться были равны нулю.

Сказать, что дождь лил как из ведра - недостаточно. Это был ливень библейского масштаба, сокрушительный, как водопад, разверзший хляби небесные под громовую оркестровку бешеного темпа и подсвеченный гигантскими молниями. Масса дождевых капель, казалось, вытеснила всю массу воздуха, и дышать было трудно. Спрятаться было негде, и мы, укрывшись бесполезными полиэтиленовыми пленками, уселись прямо на берегу. Гремел гром, волны с упорством, достойным лучшего применения, грызли берег, а мы пытались заснуть. Уснуть после всех приключений было не трудно, но спать сидя, как мы выяснили, было гораздо сложнее. Заснув, мы тут же просыпались, заваливаясь набок, но спать, лежа на мокром, не хотелось, и мы снова усаживались. Так продолжалось до утра.

На рассвете библейский потоп утих и перешел в обычный штормовой ливень. Стало холодно, и мы, я до сих пор не могу объяснить каким образом, прямо на берегу разожгли костер. Вокруг валялись куски древесины, выброшенные штормом. Но они изрядно, как, впрочем, и мы сами, вымокли и были мало пригодны для растопки. Вероятно, мы зажгли кусок пластика, который валялся на берегу.

Костер горел с переменным успехом и выделял ровно столько тепла, сколько нужно для поддержания горения. Пользы от него было мало, но мы окончательно согрелись скорее от поисков и собирания топлива, чем от тепла костра.

Между тем дождь почти утих, и мы принялись сушить одежду, начав с носок.

Для тех, кто помнит 7-стадий ношения носок, согласно НГУ-шному определению, наши носки в то время еще не достигли 7-ой стадии носки, то есть их нельзя было снять с ноги, не снимая ботинок, однако они были недалеко от нее. Высушить их оказалось практически невозможно. Носки удерживали влагу вопреки всем физическим и химическим законам. Они дымились и готовы были скорее истлеть и сгореть, но оставались влажными.

К счастью, дождь тем временем совсем прекратился, и на горизонте появилась пронзительно синяя полоса какого-то первозданного доисторического неба. Стало теплее, и мы, потеряв всяческое желание что-либо делать, рухнули на берег и мгновенно уснули. Проснулись в середине дня. Косы, на которой вечером стояли палатки наших смывшихся вовремя соседей, не было. На ее месте гордо возлежало огромное вывороченное с корнем дерево. Солнце жарило всеми лучами видимого и невидимого спектра. Наша одежда высохла прямо на нас, даже носки под натиском солнечного давления не выдержали и отдали всю влагу, превратившись в нечто среднее между тем, что раньше называли фиброй и прессшпаном.

Без палатки и продуктов нечего было делать на берегу, и мы решили возвращаться в город. Оказалось, что мы были совсем недалеко от бухты Шамора. Но ее красота и чудесный песчаный пляж нас уже не трогали. Автобусы не ходили. Невдалеке снесло каменный мост через когда-то небольшую речку. Военные налаживали понтонную переправу. Как мы перебрались с их помощью на другой берег, нашли попутку, доехали до шоссе и вернулись в город, я уже не помню. Но все это было.

Нас встретили в доме Володиной мамы, как вернувшихся с того света. Мы узнали, что имя библейскому ливню было тайфун Полли, который зародился где-то в Тихом океане недалеко от Японии и, разрушив по дороге несколько Японских городов, напал на Приморье. Тайфуны не редкость в Приморье, но тайфуна такой силы местные не помнили за последние 80 лет, а точнее с тех пор, как стали вести записи – с конца 19-го века.

Тайфун Полли разрушил дома, посеы и стратегические дороги. Не имея возможности повторить поход, мы провели какое-то время во Владивостоке. Владик, как его называют местные жители – необычный город. Он имеет мало общего с нашими равнинными сибирскими городами, обильно оснащенными эвакуированными в войну заводами, или с базарно суетливой Москвой, несущей клеймо Сталинских высоток, заменивших разрушенные большевиками златоглавые храмы и церкви, или с целлулоидными жадными до денег городками Крыма и Кавказа. Он показался нам не советским, а скорее западным городом, занесенным в Приморье каким-то сумасшедшим тайфуном из далеких не наших мест.

Все это припомнилось в 90-х годах, когда по пути в Беркли я оказался в Сан-Франциско. Сходство обоих городов не ограничивалось бесчисленными подъемами, спусками и множеством холмов. На каждом перекрестке в этих городах был ресторан. Девушки коммерческой любви тоже не сильно отличались, хотя во Владике они были более откровенны, но менее настойчивы. Последнее, скорее всего, было вызвано нашим непритязательным облачением, потрепанным тайфуном, и, безусловно, пустыми карманами. Больше всего это относилось к нам с Юрой. Саша – в силу своей природной склонности к полноте и округлости фигуры пострадал от тайфуна гораздо меньше и выглядел почти как обычно.

Саша всегда казался старше и знал вещи, о которых мы не имели не малейшего представления. По возрасту он был на год старше, так как поступил в универ после какого-то техникума, где изучал технологию химии угля и дорог. Удивительно не то, что техникум развил Сашин интерес к физике, но то, что это не отвратило его от привязанности к химии.

Я познакомился с Сашей в Кемерово летом, будучи в 11-ом классе, через моего

одноклассника и в будущем нашего сокурсника - Володю Рудюка, бывшего чемпиона города Кемерово по самбо среди молодежи. В то время Саша уже носил очки, был полноват и мало чем отличался от того, каким мы его помним по университету. Саша располагал к себе улыбчивой манерой говорить, слегка подсмеиваясь, то ли над собой, то ли над сказанным. Мы сразу стали друзьями, и все втроем поехали поступать в НГУ.

Саша очень любил книги. Мы все читали много и разных книг, но Саша книги переживал и абсорбировал, как одна химическая субстанция – другую, образуя новое вещество жизни, где он был одновременно наблюдателем и участником происходящего. Читая, он полностью отключался от окружающего шума и суеты общаги и даже предложения «расписать пульку» или выпить не могли оторвать его от чтения. Читал Саша все: классиков, современников и даже романтическое дамское чтиво, где «развесистая клюква» была основным декоративным элементом, а ваниль – основной вкусовой приправой. Часто он читал до глубокой ночи и даже до утра. Как он ухитрялся не пропустить первую пару, я, который, как правило, первую пару просыпал, понять и объяснить не могу. К счастью, для таких как я, наши профессора физики редко читали лекции рано утром.

Весной – в конце второго курса, физфак объявил забастовку. Мы жили в 109-ой комнате, в третьем общежитии, и вход в энгэушную столовку был хорошо виден из окна. Здесь Саша организовал наблюдательный пункт забастовки. У нас был 25-ти ватный усилитель и, если кто-то пытался войти в столовую, то из динамика, подвешенного, по случаю - снаружи, гремело на все окрестности: - Эй мужик! Куда ты идешь, что не знаешь о забастовке? Поворачивай назад.

В Шашином голосе была непоколебимая вера в правоту нашего дела и презрение к штрейкбрехерам. Столовка была пуста.

Наши комсомольские вожди, уяснив, что забастовка имеет мало общего с расстрелом демонстрантов в Новороссийске, а вызвана плохим качеством еды в столовке и отравлением нашего сокурсника Валеры Федорова, потеряли к ней интерес.

Студенты, как известно, существа всеядные, и отравить их совсем непросто. В общаге мы кипятили воду раскаленной нихромовой спиралью. При этом в воде образуются ядовитые нано-частицы никеля и цианиды – соединения родственные цианистому калию – излюбленному яду шпионов и отравителей Распутина. На физиков цианиды не действовали, как и на царя древнего мира Митридата, методически приучавшего себя к ядам из-за боязни отравления. Чем накормили или напоили Валеру Федорова в тот раз в столовой, осталось тайной. Одно ясно – обычным ядом Валеру отравить было бы невозможно.

На следующий день в столовке все блестело, но не от обычного жирного слоя многолетней грязи, а от непривычной для наших глаз чистоты и порядка. В меню, к нашему удивлению, было сибирское национальное блюдо китайского происхождения – пельмени (по-китайски: пель – начинка, а мень - тесто). Китайская версия пельменей гораздо менее сытная, чем наша сибирская. Мне приходилось обедать во многих китайских ресторанах, в разных странах, но даже в Китае пельменей - с говядиной пополам с бараниной или свининой я нигде не встречал. Вероятнее всего, сибиряки заимствовали идею, а исполнение было оригинальным - местным, приспособленным для холодных сибирских зим и прочих невзгод жизни.

У жителей Альп, где зимой бывает прохладно, тоже существует высококалорийное блюдо – фромаж фондю. Приготовить его очень несложно – надо просто расплавить на медленном огне пахучий французский сыр, насыщенный ароматами альпийских лугов, и, пока он горячий, обмакивать в него куски хлеба. По калорийности эта еда сравнима с пельменями, но по вкусу, несомненно, уступает.

В альпийских горах пахнет травами и чем-то по-домашнему сладким, напоминая запах спелых арбузов. Однажды, еще будучи студентами, мы пошли разгружать

арбузы на товарную станцию в Ща. Саша, как более опытный грузчик (ранее он ходил разгружать баржу какой-то загадочной «клепки»), быстро договорился с завкладом «по 25 рублей на нос», что было для нас огромной суммой. Мы встали цепочкой и перекидывали арбузы из рук в руки, от вагона до какого-то сарая. И если арбуз случайно вырывался и падал, то его было просто необходимо съесть, что мы охотно тут же делали. Такого количества арбузов мы никогда не съедали и вкус их, и запах все еще помнится – как будто это было вчера.

Закончив под утро вагон, мы поплелись в общагу, прихватив с собой арбузище чудовищных размеров, столь тяжелый, что нести его мы долго не могли, а под конец по предложению Саши Елисеева катили по улице Пирогова ногами. На следующий день, проснувшись после обеда, мы устроили грандиозную пьянку, купив вина в торгошке. Рислинг в то время был довольно хорош, а в Варне чувствовался привкус горечи то ли от жженого сахара, то ли от виноградных косточек, раздавленных чрезмерным усилием пресса, вероятно в погоне за количеством - в ущерб качеству, как это часто случалось в то время.

В 1968-ом году произошло два запомнившихся события: Саша с Иррой Павловской, за которой он ухаживал в то время, были выбраны королем и королевой рок-н-ролла в кафе "Под интегралом", и состоялся фестиваль бардов в Академгородке. Нам с трудом удалось достать билеты на заключительный концерт, начинавшийся в кинотеатре Москва. Едва войдя, мы ошалели от задорной пиратской песни:

«По бушующим морям Мы гуляем тут и там
И никто нас не зовет в гости, Йа-ха-ха-ха.»

Это пел весельчак Юлий Ким. Выступали Кукин, Клячкин и много других менее известных бардов и исполнителей, таких как Дольский, Чесноков, студент-физик Никитин. Никитин позднее оставил науку и написал вместе со своей очаровательной женой много замечательных, по-детски непосредственных и теплых песен. С годами эти песни вошли в нашу жизнь и остались частью вещества души времени.

В завершение концерта под громкие овации на сцену, чуть прихрамывая, вышел Александр Галич и сразу, без лишних слов, запел. Галич не был любителем, как большинство бардов того времени, и его сделанные профессионально песни поражали убедительной силой слов. Они открывали то, что наши власти опасались больше всего: правду о трагической судьбе неугодных элементов сталинской машины социализма. Даже сейчас, почти половину века спустя после этого концерта, его песни часто приходят на память, и его голос звучит в ушах.

После второго курса Саша распределился в группу Молекулярной физики, которой в то время заведовал Толя Бурштейн. Толя, Бур в обиходе, заправлял кафедрой на общественных началах, в свободное время от кафе «Под Интегралом» и редких часов, проведенных в Институте Химической Кинетики и Горения. Несмотря на слегка пренебрежительное отношение деканата Физфака к кафедре, ему удалось устроить на место секретарши, без сомнения, самую привлекательную женщину университета - Римму Ивановну Ратушкову. Римма Ратушкова являлась дамой приятной во всех отношениях и все, кто знал ее, уверен, согласятся со мной.

Почему Саша выбрал нашу кафедру, я не знаю. Молекулярная физика, как отдельная самостоятельная наука, не сложилась и скорее являлась приложением физики к химическим проблемам. Между физикой и химией существовала терра инкогнито ничейной земли, где границы появлялись и исчезали так же быстро, как во время освоения американского «дикого запада». Каждый ученый изменял их по своему усмотрению, не только не учитывая, но скорее полностью отрицая мнения остальных. И если вы когда-либо пытались уяснить разницу между химической физикой и физической химией, то понимаете, о чем идет речь. В довершение всего в середине прошлого века американцы, как всегда, все окончательно запутали, назвав эту область

химической инженерией.

Мы с Сашей часто говорили о нашей ковбойской науке. Мне кажется, проблема ничейной земли имеет следующее объяснение: химия, зародившаяся на закате средневековья - как наука, не полностью сформировалась в эпоху просвещения и все еще продолжает складываться в наши дни, благодаря интервенции физики и физических методов. Без физики химия была бы алхимией, и это можно в явной форме выразить формулой: Химия = Алхимия + Физика.

Физика тоже, до некоторой степени, обязана своим появлением алхимии. Ньютон, как известно, был не только физиком, но также и алхимиком и оставил полдюжины закодированных и не полностью еще расшифрованных трактатов по алхимии. Призрак алхимии жив как в подходе, так и в целях современной химии. Химики до сих пор пытаются синтезировать вещество уникальных свойств, а не понять фундаментальные законы трансформаций веществ. Часто это им удается. Алхимики средневековья не могли представить всю меру богатства, принесенного открытиями пестицидов и неорганических удобрений - современных эквивалентов «эликсира жизни» и «философского камня».

На третьем курсе Саша удивил нас, согласившись быть комсомольским лидером группы. Причину этого я точно не знаю, поскольку сам комсомольские собрания избегал. Вероятно, он пришел последним и, по старой энгэушной традиции, был выбран автоматически. Позже он признался мне, что не стал отказываться, решив, что лучше он, чем какой-нибудь воинствующий комсомольский энтузиаст коммунизма.

Коммунистов Саша принимал, как неизбежное зло, и в светлое будущее, как и большинство из нас, не верил. Его семья до революции была довольно зажиточной, но им пришлось покинуть Россию и перебраться в Сибирь, спасаясь от рабочих большевиков и трудового крестьянства. Они быстро прижились на новом месте и, слегка разбогатев во время НЭПа, благоразумно решили переехать в город и слиться с пролетариатом.

У Саши было три старших брата и младшая сестра - все поразительно похожие друг на друга и слегка полноватые. Но Саша выделялся несибирской мягкостью характера, и больше напоминал английского джентльмена, чем жителя кузнецкого угольного бассейна. Как это случилось - можно только догадываться.

Джентльмен не является естественным состоянием мужчины, а продукт многовекового противоестественного отбора, начавшегося около 7 тысяч лет назад во время «неолитической революции», когда древние женщины путем матриархата превратили вольных охотников и рыболовов в одомашненных земледельцев - мужей. Точное происхождение русского слова муж неизвестно, но его английская версия - хазбанд, саксонского происхождения и является амальгамой двух слов хауз-боунд, что переводится, как привязанный к дому. В те далекие времена сами охотники попались в ловушку, и охота для них сменилась тяжелой крестьянской работой. В викторианское время английские женщины успешно завершили то, что начали их доисторические сестры - вывели джентльменов.

На четвертом курсе Саша распределился в Кинетику к двум совершенно непохожим ученым: Бажину и Бердникову. Первый был конъюнктурнее, а второй - умнее и, к тому же, прямолинейнее. Как это часто случается, умного и прямолинейного никто не принимал серьезно, и дуализм Бажина - Бердникова распался. Саша выбрал умного и защитил диссертацию у Бердникова по химическим основам фотосинтеза.

После аспирантуры Саша оказался в Омском Институте Сажи, где по началу работа пошла очень успешно, он набрал людей и организовал физическую лабораторию. Но вскоре Саша обнаружил, что теория горения, развитая Семеновым и Зельдовичем, к образованию сажи имеет весьма отдаленное отношение, и начал развивать свою. Но директор полагал, что в Институте Сажи право и привилегия

разработки теории сажи принадлежит только одному человеку – директору Института Сажи. С этим Саша смириться не мог и, представив на семинаре свою теорию, которая не согласовывалась с директорской, испортил отношения с директором до такой степени, что вынужден был уволиться.

Вскоре после этого я узнал о новой теме у Накорякова в Теплофизике и свел Сашу с ним. Саша принялся с энтузиазмом за Накоряковскую тему, но мягкий Сашин характер не мог ужиться с практической напористостью Накорякова, и через какое то время Саша перешел в СКТБ Монокристалл. Там он занялся ростом удивительных моно-кристаллов для лазеров, которые вопреки закону о возрастании энтропии и здравому смыслу должны быть без дефектов и иметь совершенную форму. В СКТБ Саша работал до конца дней над ростом кристаллов и параллельно, как и многие физики до него, над единой теорией поля.

В жизни Саши, кроме Гали было две женщины: славная и самостоятельная вторая жена Катюша, а так же мягкая и домашняя Вера Марьясова. Трудно представить более подходящую пару, чем Вера и Саша. Я очень сожалею, что не смог увидеться с ним в последние годы, но уверен, что он нашел в Вере то, что ему часто не хватало в прошлом – любовь, понимание и теплоту домашней жизни.

Если вы дочитали до этого места и еще помните заголовок, то вы, наверное, спросите - почему Соанме. Соанме - это была надпись на листе ватмана. На первом курсе мы жили в общежитии на углу Терешковой и Морского проспекта, и весной в вестибюле появился плакат, извещавший о 20-ти дневной голодовке против всеобщего разгильдяйства и падения нравов. Соанме был псевдоним, выбранный Сашей для этой цели. Что послужило поводом для голодовки, он нам не открыл, хотя для человека, как Саша, найти повод было бы нетрудно. Саша, к нашему удивлению, действительно ничего не ел 20 дней, но поразительным образом сохранил округлость фигуры и мягкость характера, а все наши предложения прекратить эту дуроту и пойти в столовку отклонял с неизменной улыбкой, посмеиваясь чему-то, что было известно только ему.

* * *

День в горах подходил к концу, и солнце огромным оранжевым апельсином медленно оседало за Женевское озеро, освещая видневшуюся недалеко треугольную вершину Монблана и редкие облака вокруг. Все события, описанные здесь, вспомнились в течение одного дня, когда я лез на скалистую гору Ирмонт в Альпах. Айтматов прав: историю человеческой жизни можно пережить и рассказать за день, но память о друге - это совсем другая категория вещества души человека. Она остается с нами на все время, пока мы помним себя, - помним, кто мы и откуда.

Борис Горбунов

Hirmentaz, France, August 2010

Автор выражает огромную благодарность Володе Сабину за редактирование рукописи и дополнения, а также Светлане Ляпуновой, моей жене Наде, Володе Лиманскому и Лене Берус за помощь и поправки.